

Спектакль — деньги — спектакль

Известия. — 2001. — 8 авг. — с. 10.

Коммерческий театр в сезоне 2000—2001 годов

В конце восьмидесятых годов коммерческий театр был экзотикой, в начале девяностых его называли альтернативой репертуарному, а к концу века о нем перестали спорить. Старые репертуарные театры по большей части дышат на ладан — маститые худруки состарились, труппы растренировались, нет свежих имен, людей и идей, куража, желания удивлять, нет понятных этим сценам новых пьес... А коммерческий театр чувствует себя прекрасно: со сцен антреприз он перебрался на репертуарную сцену, он собирает полные залы, на него все больше ориентируются театральные директора. Пасынок начинает чувствовать себя хозяином — но что же такое сегодняшний коммерческий театр?

Алексей ФИЛИППОВ

Минувший сезон дает почву для наблюдений. Андрей Житинкин, самый кассовый, не раз осмеянный серьезной критикой и воспетый лаковыми журналами режиссер, возглавил театр на Малой Бронной. Ставку на драматические спектакли сделал Театр эстрады, свою аудиторию он при этом менять не собирается. Хитом сезона оказался «№ 13» Владимира Машкова: коммерческий спектакль принес МХАТу имени Чехова ошеломляющий зрительский успех, билеты на него спекулянты продают по цене несколько тысяч рублей.

Почва для наблюдений есть, но сперва надо определить сам предмет — отечественный коммерческий театр достаточно разнообразен. Неизменным остается одно: его спектакли должны пользоваться спросом и приносить прибыль. Далее начинаются вариации.

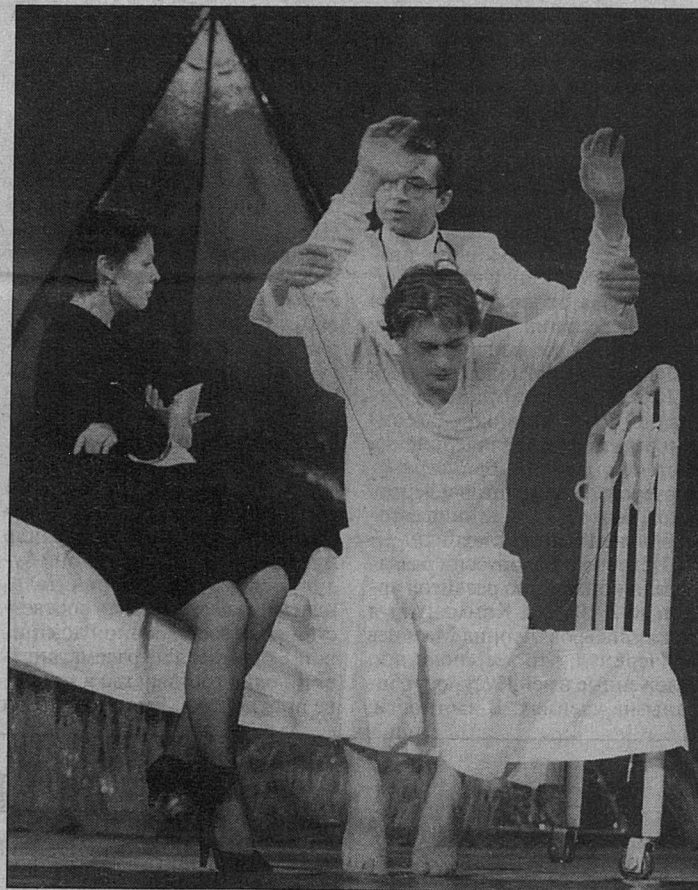
Самым массовым, широко распространенным в летней Москве подвидом коммерческого театра является антреприза. По сравнению со своими далекими прародителями, трушkinsкими «Вишневым садом» и «Там же, тогда же», теперешние особи эволюционировали не сильно, но движение в сторону упрощения внутренней структуры спектакля, качества работы с актерами и уровня оформления выражено очень определенно. Самую банальную разновидность антрепризного спектакля в Москве можно застать разве что летом — продюсер берет клетку, как правило западную, пьесу, подбирает к ней режиссера, нескольких звезд, на сцену выносятся пару стульев — и после нескольких репетиций постановка готова. Ей предстоит долго трудиться, разъезжая по периферии, окупая затраты, принося деньги — знаменитые артисты получают от пятисот до восьми-

сот долларов за спектакль, а о чистой прибыли знает только продюсер.

Облагороженным, но достаточно типичным представителем такого рода представлений стал «Труп на теннисном корте» — совместная постановка Театра эстрады и «Независимой антрепризы». Его выпустил хороший режиссер Евгений Каменькович, на сцену вышли Хазанов и Филиппенко, продюсер Юрий Малакянц не поспешил на оформление. Старались все, вышло как всегда — режиссер выстроил мизансцены и развел по ним актеров, а те устроили себе бенефис. Природа разъездного спектакля, предназначенного для скорейшей окупаемости и последующего извлечения прибыли, не изменилась — этот товар можно везти не только в Днепродзержинск, но и на Брайтон, а к искусству он имеет отдаленное отношение.

Суть антрепризы проста — известные актеры демонстрируют себя публике в предлагаемых пьесой обстоятельствах, и зрители радуются встрече с любимыми лицами. И для режиссера, и для актеров антреприза, как правило, — отхожий промысел («Труп на теннисном корте» интересен тем, что и Хазанов, и Филиппенко делали на него большую профессиональную ставку). Но тех, кто занимается антрепризой, много, а Андрей Житинкин один.

Он работал в разных театрах, и все же у него появились свои актеры (достаточно назвать молодую театральную звезду Домогарова и тонкого, еще недооцененного Андрея Ильина). И они любят с ним работать — Житинкин интересно репетирует, у него есть свои профессиональные секреты: премьера близка, а спектакль не складывается, нет ничего, что «можно было бы предъявить зрителю, артисты в панике... Его играют при полном зале, и происходит чудо — благо-

В коммерческих спектаклях сегодня играют звезды первого ряда: Александр Домогаров, Геннадий Хазанов, Александр Филиппенко и др.

даря реакциям публики постановка оживает, все встает на свои места, рождается спектакль. Он будет делать хорошие сборы, но театральные обозреватели скорее всего не оставят на нем живого места.

Многим из них искусство Андрея Житинкина кажется воплощением пошлости. Но зрительный зал (а зрители Житинкина — в основном женщины) смотрит его спектакли затаив дыхание: режиссер точно чувствует то, что должно заинтересовать мечтающих о прекрасном постсоветских дам.

Прошедший сезон начался с ануевской «Черной невесты», спектакля, поставленного Андреем Житинкиным в театре Моссовета. Это очень показательная работа: отличные роли Андрея Ильина и Евгении Крюковой, много напоминающих о дорогой итальянской мебели постановочных завитушек и невероятной пошлая финальная сцена, когда тонущие герои повисают за стеклом, как золотые рыбки (или экспонаты Кунсткаме-

ры). Это стиль, и он показателен — феномен Андрея Житинкина сродни успеху лаковых журналов, режиссер исповедует ту же эстетику, и она также приводит его к успеху.

В своем недавнем интервью он говорит о «красивых актерах», о том, что костюмы из его будущего «Дориана Грея» зрителям, возможно, «захочется носить и сейчас». В его театре «будет интересно, очень необычно, красиво, будет страшно и смешно». «Красиво» — ключевое житинкинское слово, и на его чувстве красоты стоит остановиться.

Оно идеально совпадает со стилистикой среднестатистического глянцевого журнала — можно говорить и о сходном ощущении прекрасного, и об одинаковой жизненной философии. Прекрасно все, что обладает красивым лицом, молодо, дорого и стильно одето. Жизнь окрашена в лакальные тона, люди делятся на плохих и хороших, любовь чиста, чувства сильны, сюжеты шепчут нервы и в то же время не отпугивают потребите-

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

ля. Журнальные «стори» адаптируют литературные приемы и знаменитые сюжеты к уровню и вкусам массовой постсоветской публики, Андрей Житинкин делает то же самое на театре. Он одаренный человек и искренне верит в свое искусство, в нем есть и профессиональная изощренность, и необходимое для такой работы простодушие — иначе публика его бы не приняла.

Режиссер, занимающийся коммерческим театром, сродни падшему ангелу. Кто-то (как Каменькович) отдаст продюсеру продюсерово и, заработав на жизнь, снова возвращается к серьезному делу. А другие не возвращаются: тонкий режиссер Борис Мильграм (в минувшем сезоне в Театре эстрады вышли его «Птицы») утонул в антрепризе и ушел на периферию театральной Москвы — те, кто помнит его «Случай в зоопарке», должны об этом жалеть. В былые времена Андрей Житинкин тоже создавал иное искусство. В старом, фокинском, театре Ермоловой у него был чудесный, тонкий, жест-

кий спектакль «Снег. Недалеко от тюрьмы», но между 1988 и 2001 годами лежит целая вечность, и новое бытие определило-таки режиссерское сознание.

Дело, судя по всему, в том, что коммерческому театру предстоит стать чем-то совсем иным. Житинкин так и останется его олицетворением, под житинкинским руководством Малая Бронная процветает (во всяком случае коммерчески), но он единствен и неповторим, а антрепризы и бесчисленные продюсерские компании ведут все то же полумаргинальное-полухалтурное существование.

В коммерческий театр должны прийти крепкие профессионалы, выпускающие хорошо сделанные, точно просчитанные, жестко отвечающие жанру вещи — машковский «№ 13» попал в него с идеальной точностью. Раннебуржуазное общество не может обойтись без театра, потешающего публику и рассказывающего ей сладкие сказки, — но за прибаутки и сказочки не должно быть стыдно.